

УДК 316.4

Социально-экономическая безопасность в регионах Сибири как основа для формирования риска социальной эксклюзии населения¹

Ноянзина О.Е., Максимова С.Г., Омельченко Д.А.

Алтайский государственный университет

noe@list.ru, svet-maximova@yandex.ru, daria.omelchenko@mail.ru

Аннотация

Социальная эксклюзия в том числе может быть оценена на основе ряда экономических показателей, характеризующих уровень развития общества, экономики, состояние рынка труда, положительности и качества жизни, и так далее. Авторами проведен анализ ряда социально-экономических показателей безопасности региональных социумов современных сибирских регионов, входящих в «пояс азиатского приграничья» (Алтайский и Забайкальский края, Кемеровская область). Рассмотренные показатели описывают часть статистических показателей, описывающих уровня и качества жизни населения, депривация которых может привести к возникновению риска социальной эксклюзии. Сделан вывод о наличии объективных условий для формирования социальной эксклюзии населения не только и даже не столько пожилой части населения регионов Сибири, но ее трудоспособной части.

Большинство работ в области социальной эксклюзии сфокусированы на рассмотрении проблем групп, находящихся в состоянии повышенного риска социальной эксклюзии – пожилых, женщин, меньшинств, людей с ограниченными возможностями, и так далее. Дискуссии на тему эксклюзии разнообразных факторов довольно редки. Одной из сложностей является рабочего определения социальной эксклюзии. Социальная эксклюзия, безусловно, шире, чем проблемы бедности, но, несомненно и то, что бедность является основным прекурсором, маркером или компонентом социальной эксклюзии. В равной степени социальная эксклюзия зависима от целого набора экономических переменных, таких как статус безработного или принадлежность к профессиональной нише [2]. Открытым остается вопрос, что еще следует рассматривать в качестве социальных маркеров эксклюзии – социально-экономическое благополучие, демографические характеристики, жилищные условия, здоровье, психологические характеристики? Очевидно, что недостаток социальных контактов, взаимодействий, зависимость от пособий и социальных выплат, одинокое родительство, неблагоустроенное проживание, наличие физических или психических проблем будут выступать в качестве предпосылок или компонентов социальной эксклюзии. Более того, поскольку социальная эксклюзия – понятие скорее относительное, чем абсолютное – «клубок» обстоятельств всегда будет принимать индивидуальные формы, а полное и «нормальное» включение в общество будет неизбежно изменяться с возрастом. Учитывая такую неопределённость, целесообразно исследование широкого спектра атрибутов, которые могут выступать в качестве индикаторов социальной эксклюзии, а также взаимосвязи между этими атрибутами. Такая постановка вопроса еще более усугубляется отсутствием методологии эмпирического анализа и достаточности существующих методик оценки различных аспектов социальной эксклюзии и ограниченного объема данных для вторичного анализа проблемы.

Следующим проблемным моментом оценки этого многоаспектного явления является охват его каким-либо единичным индикатором. Теоретически требуется оценить комплексный конструкт, используя прозрачный и непротиворечивый индикатор. Как возможно объединить ряд индикаторов социальной эксклюзии в один комплексный непротиворечивый показатель, который к тому же еще и должен иметь смысл? Для этого требуется более глубокое

¹ Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ УИ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России».

понимание проявлений социальной эксклюзии в зрелом возрасте, оценка относительности, глубины и вклада разных маркеров в социальную эксклюзию, а также их взаимозависимости.

Между тем, вполне возможно проводить анализ индивидуальных атрибутов социальной эксклюзии, их одновременное проявление, взаимовлияние или простые агрегации проявлений социальной эксклюзии. Пусть такой подход и не в полной мере отвечает нашим устремлениям, но он позволяет нам глубже понять эмпирическую природу изучаемого явления. Как отмечали Бурхардт, ЛеГранд и Пиачод, «теория», не имеющая эмпирической интерпретации, не может быть подвергнута обоснованно строгой проверке (включая возможные альтернативы), и не заслуживает того, чтобы считаться теорией» [8].

В силу названных сложностей, а также в узкодисциплинарных целях большинство работ в рассматриваемой области опираются на оценку таких факторов как уровень доходов, статус занятости (в экономических работах) или профессиональный статус и стремятся к ограничению набора индикаторов эксклюзии [9]. Хотя такой подход к оценке и анализу социальной эксклюзии сам по себе сложен, очевидная взаимозависимость жизненных обстоятельств и эксклюзии зачастую игнорируется исследователями.

Чаще всего для описания социальной эксклюзии населения взрослого и зрелого возраста предлагается суммарный индикатор, некий «суммарный балл социальной эксклюзии зрелых», включающий ранее родительство, многодетность, множественных партнеров, бездомность, недуги, социальное жилье, непостоянный доход, низкую квалификацию. Несмотря на то, что такой суммарный индикатор тяжеловесен, и некоторые компоненты, например, множественные партнеры, могли бы быть удалены из него, он достаточно прост и иллюстрирует подход к оценке социальной эксклюзии. Во-первых, такой подход позволяет изучить связь положения взрослого человека с предпосылками эксклюзии, имеющими корни в его детстве, семье. Во-вторых, он представляет собой простой путь исследования взаимосвязи широкого спектра особенностей взрослого положения. Если мы будем иметь четкое представление о составляющих социальной эксклюзии их комбинациях, возможным станет построение их иерархии, выделение причин и последствий социальной эксклюзии.

Например, в работе Хилс, ЛеГранд и Пиачод «Понимая социальную эксклюзию» [10] в качестве компонентов социальной эксклюзии лиц в возрасте от 33 лет и старше использован следующий «набор» индикаторов, повышающих эксклюзию: получение пособий, социальных выплат; безработица или болезнь (существенно повышали эксклюзию мужчин); низкий уровень доходов; размер платы за занимаемое помещение или ипотечный долг; недоступность услуг связи (отсутствие домашнего/личного телефона) как индикатор одновременно бедности и социальной изоляции; и одинокое родительство.

В ходе проведения Британского панельного исследования домохозяйств (2002) эти же авторы опирались на четыре взаимосвязанных набора индикаторов участия в «нормальной» жизнедеятельности общества: 1) потребление (менее чем половина среднего дохода домохозяйства) и накопления; 2) производство (те, кто экономически активен и те, кто не вовлечен в социально одобряемую деятельность; 3) политическая включенность (те, кто не голосует или не принадлежит к политическим организациям); и 4) социальные взаимодействия (недостаток социальной поддержки (выслушать или помочь в трудной ситуации) или наличие кого-то, с кем можно отдохнуть или кому ты действительно нравишься).

Таким образом, экономические индикаторы социальной эксклюзии, как уже ранее неоднократно отмечалось, являются определяющими в формировании социальной эксклюзии взрослого и зрелого населения, прежде всего – «эксклюзии» из социального участия. Так, Питер Таунсенд определял бедность как «относительную депривацию», относящуюся к ресурсам, которые «настолько значительно ниже тех, которыми распоряжается средний человек или семья, что они фактически исключены из обычных условий жизни, обычаев и деятельности» [15]. И бедность, и социальная эксклюзия рассматриваются как социальные проблемы, но их ориентиры существенно различаются: социальная эксклюзия – это оппозиция инклюзивному обществу и неповрежденным социальным связям, тогда как бедность обычно противопоставляется обществу «равных». Вместе с тем, «бедность и социальная эксклюзия

не могут быть преодолены в изоляции: ограниченные в средствах испытывают сложности в участии в делах общества в силу ограниченности ресурсов; а недостаток участия усугубляет бедность, как прямо (экслюзия от оплачиваемой работы) так и косвенно (экслюзия от социальных сетей не дает возможности людям улучшить свои жизни» [2].

Однако не стоит и переоценивать различия между социальной экслюзией и бедностью, особенно – хронической бедностью. Исследования в области социальной экслюзии значительно развивают научное понимание бедности, развивая ее «неденежную» и социальную составляющие и, в то же время, опираются на оценку бедности. Хотя дебаты вокруг «базовых потребностей» и «депривации», абсолютной и относительно, текущей и «продолжительной» бедности продолжаются и по сей день при определении индикаторов социальной экслюзии [13].

С учетом зависимости социальной экслюзии от факторов макроэкономического характера, рассмотрим соответствующие показатели в некоторых регионах России. Как уже ранее отмечалось, социальная экслюзия в том числе может быть оценена на основе ряда экономических показателей, характеризующих уровень развития общества, экономики, состояние рынка труда, положительности и качества жизни, и так далее.

Мы не ставим в данном случае своей целью провести интегральную оценку качества или уровня жизни населения рассматриваемых регионов, поскольку настолько комплексная и многоаспектная оценка должна являться отдельным предметом более глубокого исследования, выделим лишь некоторые показатели, формирующие благоприятную среду для возникновения социальной экслюзии. В рамках реализации Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ УИ-6535.2018.6 «Социальные риски и безопасность в условиях трансформации миграционных процессов в азиатском приграничье России» авторами проведен анализ ряда социально-экономических показателей безопасности региональных социумов современных сибирских регионов, входящих в «пояс азиатского приграничья» (Алтайский и Забайкальский края, Кемеровская область). Рассмотренные показатели описывают часть статистических показателей, описывающих уровня и качества жизни населения, депривация которых может привести к возникновению риска социальной экслюзии.

Однако подчеркнем, что на сегодняшний день исследователи [1, 3, 5] описывают «уровень жизни» и «качество жизни» разными системами показателей, так как в научной литературе нет единого подхода к однозначной операционализации названных категорий. Вместе с тем, рассматриваемые показатели характеризуют, в том числе, наиболее значимые для индивида условия жизнедеятельности, всестороннего развития и удовлетворения разносторонних потребностей и интересов, и, в конечном итоге, низкий уровень жизни будет предполагать низкое ее качество и высокий риск социальной экслюзии, и наоборот.

Одним из показателей качества жизни является ее средняя продолжительность. Российская статистика учитывает данный показатель как ожидаемую продолжительность жизни при рождении – число лет, которое в среднем предстояло бы прожить одному человеку из поколения родившихся в данном году при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в год, для которого вычислен показатель. В контексте нашего исследования значение данного показателя приобретает особое значение, поскольку дает представление о формировании и реализации адаптивных стратегий и временных рамках перспективы преодоления ситуации и состояния социальной экслюзии, особенно – населением пенсионного возраста. Зачастую пожилой человек объективно «не имеет возможности» для формирования долгосрочной стратегии активного долголетия и целом использования ресурсов адаптации к пенсионному возрасту.

На основе расчетов Росстата, в 2016 году ожидаемая продолжительность жизни населения Российской Федерации составила 71,87 года. Для сравнения данный показатель для США (данные на 2015 год) составляет 78,74 года, Китая – 75,99 года (данные на 2015 год). В течение последних лет показатель ожидаемой продолжительности жизни постепенно увеличивается, соответственно, снижается смертность населения Российской Федерации. Показа-

тели ожидаемой продолжительности жизни населения Сибирского Федерального округа – существенно скромнее. Так, в 2016 году данный показатель в среднем по округу составил 69,81 года, что на 3,06 года короче, чем в среднем по России. Косвенно это может свидетельствовать о более низких, чем в среднем по России показателях состояния здоровья населения, неудовлетворительного качества медицинских услуг и системы здравоохранения в целом.

Более «близкой» к среднероссийской оказалась ожидаемая продолжительность жизни населения Алтайского края: в 2016 году – 70,74 года, за период с 2013 года ожидаемая продолжительность жизни населения в Алтайском крае увеличилась почти на 1 год. Довольно «удручающим» выглядит статистика по Забайкальскому краю и Кемеровской области, где ожидаемая продолжительность жизни не «перешагнула» 70-летний рубеж и составила в Забайкальском крае в 2017 году 68,33 года (на 3,54 года ниже среднероссийской и на 1,48 – средней по СФО) и Кемеровской области – 68,72 года (на 3,15 года ниже среднероссийской и на 1,09 – средней по СФО).

Хотя в качестве позитивного момента отметим, что в течение последних четырех лет ожидаемая положительность жизни увеличилась во всех рассматриваемых регионах СФО, что соответствует как тенденциям в целом по округу, так и по России.

Рассмотрим статистику смертности населения в трех рассматриваемых регионах (без показателя смертности от внешних причин). Поясним, что коэффициенты смертности населения рассчитываются как отношения чисел умерших от всех причин смерти за вычетом чисел умерших от внешних причин к среднегодовой численности населения по текущей оценке, а к внешним причинам смертности относятся те, которые вызваны не заболеваниями, а разным внешними воздействиями. Например, умышленными, такими как убийства, самоубийства, или неумышленными (несчастные случаи, и тому подобное). То есть, данный показатель, как включающий в себя, помимо естественной, смертность по причине болезней разных классов, также отражает состояние здоровья населения в целом.

Отметим, что в течение 2013 – 2016 годов коэффициенты смертности населения как России, так и трех регионов СФО находятся на сопоставимом уровне. Показатели смертности населения в Алтайском крае и Кемеровской области отражают схожую ситуацию (1281,6 на 100 000 в Кемеровской области 1287,3 на 100 000 в Алтайском крае) и в целом неблагоприятны и выше среднероссийских (1175,1 на 100 000 населения) и средних по округу (1159,9 на 100 000 населения). Уровень смертности населения в Забайкальском крае характеризует более благополучную картину в сфере здоровья населения и составляет 1057,6 умерших на 100 000 населения в 2016 году, что более чем на пятую часть ниже «соседей» по округу и на 102,2 смертей на 100 000 населения меньше, чем в среднем по СФО и на 117,5 – в среднем по России.

Следующий показатель – «реальные располагаемые денежные доходы населения», рассчитывается Росстатом на основании объема денежных доходов населения, объема обязательных платежей и разнообразных взносов, сводного индекса потребительских цен и определяются исходя из денежных доходов текущего периода за минусом обязательных платежей и взносов, скорректированных на индекс потребительских цен.

Данный показатель, а не показатель, например, ВВП на душу населения, используется Национальным институтом статистических и экономических исследований Франции (INSEE) [14] в качестве составляющих комплекса статистических индикаторов уровня жизни и социального прогресса. Согласно идее INSEE, в статистике домашних хозяйств именно скорректированный располагаемый доход обладает наибольшим аналитическим потенциалом для характеристики благосостояния домашних хозяйств, поскольку позволяет более точно определить объем конечного потребления домашних хозяйств с учётом получаемых социальных трансфертов.

Согласно данным Росстата можем сделать вывод о наличии общероссийской тенденции снижения реальных располагаемых доходов населения на протяжении последних четырех лет. Данная ситуация обусловлена кризисными явлениями в экономике страны, санкци-

онной политикой стран запада и США, падением курса национальной валюты. Снижение реальных располагаемых доходов населения происходит в том числе и в регионах СФО. В целом значение показателя свидетельствует не только о негативной динамике и снижении доходов, и, соответственно, покупательной способности населения, но и обеднении населения России и ее регионов. При удорожании товаров и услуг, уровень заработной платы растет отнюдь не такими устойчивыми и существенными темпами, что лишает большую часть населения российских регионов возможности желать накопления, вынуждает экономить, в том числе и на качестве продуктов питания, качестве отдыха, удешевляет досуг и купировать досуговые возможности, снижая качество жизни в целом. То есть, экономя, население самостоятельно исключает себя из целого ряда социальных связей.

Согласно данным Росстата, декабре 2017 г. индекс потребительских цен составил 100,4%, с начала года – 102,5% (в декабре 2016 г. – 100,4%, с начала года – 105,4%), в 7 субъектах Российской Федерации (кроме автономных округов, входящих в состав области) потребительские цены на товары и услуги выросли на 0,8% и более. Стоимость условного (минимального) набора продуктов питания в расчете на месяц в среднем по России в конце декабря 2017 г. составила 3749,6 рубля и по сравнению с предыдущим месяцем выросла на 0,8% (с начала года – на 1,6%). При этом рацион гражданина России при такой стоимости набора продуктов питания должна состоять примерно на четверть из (23,5%) крупяных и мучных изделий, еще почти на четверть (22,4%) – из молочных продуктов, менее пятой части мясопродуктов (18,3%). Отметим, что в минимальном наборе продуктов питания необходимые для преимущественно «йододефицитной» России минимальна доля рыбопродуктов (5,1% в 2017 году), плодов и овощей (15,9%). Очевидно, при таких условиях обеспечивать качественное и здоровое питание становится невозможным, особенно для групп населения, существующих за счет социальных и пенсионных выплат, экономически связанных с прожиточным минимумом и, соответственно, потребительской корзиной.

Оценивая распределение индексов потребительских цен по состоянию на декабрь 2017 года, мы видим, что практически по всем позициям, как общего индекса потребительских цен, так индекса цен на продовольственные, непродовольственные товары и услуги, произошло удорожание стоимости. Несмотря на значительные колебания, в том числе, в сторону снижения цены, например, на продовольственные товары в течение 2017 года, очевидно общее удорожание индекса потребительских цен в Российской Федерации.

Если рассматривать группировки индексов потребительских цен на товары и услуги, отметим, что выше среднего (102,5%) подорожали товары и услуги в сфере образования, жилищные услуги, транспортные услуги, а также подорожал алкоголь и табачные изделия, одежда и обувь, услуги связи и досуговой деятельности. Отметим при этом, что к концу 2017 года по сравнению предыдущим годом национальная валюта по отношению к курсу доллара США «подросла» в цене.

Отметим, что в конце 2017 года среди наблюдаемых видов непродовольственных товаров более всего подорожало топливо моторное. Так, цены на топливо газовое моторное и дизельное выросли на 2,8% и 2,3% соответственно, бензин автомобильный – на 1,4%. Данное обстоятельство повлекло за собой очередную цепочку индексации цен на товары и услуги, в стоимость которых заложены расходы на транспортную логистику, то есть, практически на все товары и услуги из списка.

Отметим, что процессы «обеднения» и снижения реальных располагаемых доходов населения в течение периода 2013 – 2016 годов коснулись и Сибирского федерального округа, и рассматриваемых регионов. Причем, наименьшее снижение реальных доходов населения в течение 2016 года произошло в Алтайском крае (93,9% к периоду 2015 года), а в течение 2013 – 2015 годов фиксировался стабильный рост реальных доходов населения, который не коснулся ни Кемеровской области, ни Забайкальского края. В этих двух субъектах федерации финансовое благополучие населения стабильно снижается в течение года.

В Забайкальском крае реальные располагаемые доходы населения в 2014 году составляли 94,5% по отношению к 2013 году, в 2015 году – 96,8%, а в 2016 году – 92,2%. В Кеме-

ровской области – 93,6% в 2014 году, 96,8% – в 2015 году, а в 2016 году произошло максимальное снижение доходов – до 88,9% от уровня 2015 года.

Таким образом, при росте цен на основные товары и услуги, в том числе первое необходимости, в России и сибирских регионах снижаются реальные доходы большинства населения, что ведет от отказу от привычного образа жизни, чаще всего досуговых практик, снижению качества питания и отдыха. Как правило, согласно данных ранее проведенных исследований, этим процессам сопутствует сокращение социальных контактов, в том числе родственного и дружеского характера, то есть усиливается не только материальная депривация, но и социальные и культурные составляющие социальной эксклюзии.

Качество жилья, обеспеченность жильем также является одним из индикаторов экономической инклюзии граждан в сообщество и разнообразные связи. Рассмотрим данные, касающиеся обеспеченности жильем населения обследуемых регионов (как отношение площади всего жилищного фонда на конец года к численности постоянного населения на эту же дату). Данный показатель также весьма важен, поскольку от него зависят многие условия проживания, в том числе размер платы за коммунальные услуги, предоставление социального жилья. Норма площади на одного человека имеет predetermined размер и варьирует в зависимости от региона, для некоторых категорий населения данная норма может изменяться. Законодательством определены три вида норм жилплощади: минимальная (требуется при выделении временного жилья), норма предоставления из госфонда и учетная норма, используемая для постановки на учет как нуждающегося в улучшении жилищных условий. Существует еще и социальная норма жилплощади, которая требуется для расчета субсидий государства и социальных компенсаций. В усреднённых цифрах по Российской Федерации минимальная санитарная норма жилой площади в 2017 году составляет 6 квадратных метров на человека, социальная норма – от 16 до 18 квадратных метров для человека в составе домохозяйства и 33 квадратных метра – для одиноко проживающих граждан.

Если сравнивать данные по обеспеченности граждан жильем относительно социальной нормы, то как в целом по России, так и по рассматриваемым регионам Сибири, данная норма обеспеченности жильем соблюдается. Хотя, как по округу, так и по трем сибирским регионам показатель обеспеченности жильем ниже среднероссийского – 24,9 кв. метра. Данный показатель относительно стабилен в рассматриваемый период с минимальным значением по России в 2013 году – 23,4 кв. метра, по СФО – 22,2 кв. метра в 2013 году и демонстрирует незначительный устойчивый рост вплоть до 2016 года. Минимальная по сравнению с другими рассматриваемыми регионами обеспеченность жильем – среди населения Забайкальского края – 20,7%, что максимально близко к социальной норме совместно проживающих членов домохозяйств, несущественно выше уровень обеспеченности жильем в Кемеровской области – 24,3 кв. метра в 2016 году.

Насколько «благоприятными» с точки зрения обеспечения потребностей граждан «выглядят» данные показатели? В открытом доступе находятся оценочные данные обеспеченности жилой площадью в расчете на 1 гражданина некоторых стран мира [4]. Так, например, в Норвегии данный показатель составил 74,0 кв. метра (2006), США – 69,7 (2010), Дании – 50,6 (2003), Швеции – 44,4 (2003), Великобритании – 44,4 (2010), Швейцарии – 44,4 (2010), Германии – 42,9 (2010), Австрии – 42,9 (2010), Нидерландах – 41,0 (2010), Франции – 37,5 (2002), Ирландии – 35,0 (2002), Венгрии – 31,2 (2010), Словении – 29,5 (2002), Чехии – 28,7 (2001), Эстонии – 27,7 (2003), Словакии – 26,0 (2001), Беларуси – 25,4 (2012), Латвии – 23,9 (2003), Украине – 23,5 (2011), Литве – 23,0 (2003), Китае – 22,7 (2010), Молдове – 22,3 (2010), Польше – 22,2 (2002), Казахстане – 18,6 (2011), Узбекистане – 14,7 (2005), Кыргызстане – 14,5 (2011), Азербайджане – 13,0 (2005), Таджикистане – 8,0 (2005).

Уровень занятости населения также важен для понимания условий для формирования эксклюзии / инклюзии зрелого населения Российской Федерации. В 2016 году (последние доступные данные) в Российской Федерации уровень занятости населения составил 65,7% (напомним, что данный показатель рассчитывается исходя из отношения числа работающих к числу экономически активного населения). Как в СФО, так и во всех рассматриваемых ре-

гионах, уровень занятости экономически активного населения еще ниже. В Сибирском федеральном округе данный показатель в 2016 году составил 62,5%, при этом отметим, что в 2016 году это самое высокое значение показателя за период десяти лет, например, в 2006 году этот показатель составлял 59,8%. Максимальная доля занятого населения – в Кемеровской области – 62,1% в 2016 году, хотя она в несколько снизилась по сравнению с периодом 2013 – 2014 годов (с 63,7%). Существенно меньший уровень занятости населения в Алтайском и Забайкальском краях (59,5% и 59,6% в 2016 году соответственно). Полагаем, что данную ситуацию назвать благоприятной нельзя, поскольку чуть более половины экономически активного населения заняты в секторах экономики рассматриваемых регионов. Мы имеем возможность судить о занятости населения по официальным данным Росстата, поэтому те граждане регионов Сибири, которые попали в данные статистики, но имеют источники дохода, не связанные с социальными выплатами государства, заняты в теневом секторе. Исследователями в сфере рынка труда и экономики занятости населения аргументировано доказано, что в России существуют практически неограниченные возможности участия в теневом секторе экономики [12], а, следовательно, выпасть из поля зрения официальной статистики. И если наличие постоянного, пусть и недокументированного, источника дохода не ограничивает экономические возможности граждан, то такое положение в большой доле вероятности повлечет исключение из целого ряда практик, например, в области трудового права, социальной защиты и гарантий медицинского обслуживания, помимо ограничений экономико-правового характера.

Сделанные выше выводы о широкой распространённости неправовых трудовых практик подтверждают данные по уровню безработицы населения. Так, среднероссийский уровень безработицы (имеются ввиду уровень официально зарегистрированной безработицы) в 2016 году составил 5,5% – один из минимальных показателей за десятилетний период. В регионах СФО уровень безработицы в 2016 году составил 8,0%, его значение увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 0,3%, хотя значительных вариаций за период 2006 – 2016 годов не зафиксировано. Выше прочих уровень официальной безработицы в Забайкальском крае, где в 2016 году он почти в два раза превысил общероссийские данные (10,8%). Отметим, что в 2008 году в Забайкальском крае существенно, почти в два раза по сравнению с предыдущим годом возросла безработица населения – с 8,7% до 14,9% и затем, на протяжении восьми лет уровень безработицы незначительно снижался. Уровень безработицы населения Алтайского края в 2016 году составил 8,6%, Кемеровской области – 7,9%, что, вероятно, отражает более благоприятную картину на рынке труда названных регионов или же, напротив, с учетом показателей уровня занятости экономически населения, о широкой распространённости теневой занятости.

В денежном выражении среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в Российской Федерации растет в течение последних десяти лет, и рост по России за данный период составил почти 3,5 раза: с 10634 рублей в 2006 году до 36709 в 2016 году. В регионах СФО работники «зарабатывают» в среднем существенно меньше, чем в Российской Федерации, хотя динамика роста размеров оплаты труда распределена схожим образом: 9878 в 2006 году и 31569 в 2016 году. Напомним, что среднемесячная номинальная начисленная заработная плата рассчитывается ежемесячно по итогам сплошных и выборочных статистических наблюдений, проводимых с различной периодичностью, на основе сведений, полученных от организаций всех видов экономической деятельности и всех форм собственности, и определяется путем деления фонда начисленной заработной платы работников на среднесписочную численность работников и на количество месяцев в отчетном периоде.

В фонд заработной платы включаются начисленные работникам суммы оплаты труда в денежной и неденежной формах (с учетом налога на доходы физических лиц и других удержаний в соответствии с законодательством Российской Федерации) за отработанное и неотработанное время, компенсационные выплаты, связанные с режимом работы и условия-

ми труда, доплаты и надбавки, премии, единовременные поощрительные выплаты, а также оплата питания и проживания, имеющая систематический характер.

Рассматриваемый показатель косвенно свидетельствует об уровне и качестве жизни в регионах обследования, экономических ресурсах, обеспечивающих доступ к товарам и услугам, возможности отдыха, досуговой деятельности, стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Самое «бедное» – работающее население Алтайского края, где в 2016 году значение показателя средней начисленной зарплаты составило 21202 рубля, что лишь в 2,22 раза больше прожиточного минимума в регионе в 2016 году (9572 рубля в месяц). При этом среднероссийский показатель – 3,42 прожиточных минимума (10722 рубля в среднем по России в 2016 году). Самые большие доходы среди трех субъектов, в которых проходило наше исследование – в Забайкальском крае – 32654 рубля, что выше среднего по СФО более чем на 1 тысячу рублей и составляет 2,9 прожиточных минимума для трудоспособного населения (в Забайкальском крае в 2016 и в 2017 году 11259 руб./мес. По размеру доходов Кемеровская область занимает средние позиции, однако превышая по данному показателю среднюю оплату труда по округу – 32654 рубля или 3,4 прожиточных минимума (9608 руб./мес.).

Далее рассмотрим, каковы доли населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности населения сибирских регионов. Самые «свежие» данные доступны по состоянию на 15.08.2017. Полагаем, что можно отнести группы населения, попавшие в данную статистику к очень бедной части населения. Допустимый порог, дающий возможность обеспечивать существование гражданина, «привязан» к прожиточному минимуму. Его размеры приведены выше, добавим лишь, что на 3 квартал 2017 года постановлением Правительства Российской Федерации от 08.12.2017 № 1490, прожиточный минимум в России составил на душу населения 10328 рублей, для трудоспособного населения – 11160 рублей, для пенсионеров – 8496 рублей, детей – 10181 рублей в месяц. Это и есть черта бедности в России, и всех, кто получает меньше, можно назвать бедными.

Отметим, что статистика бедности в процентном отношении в период 2013 – 2016 годов показывает негативную динамику, то есть население России беднеет, и доля находящихся за чертой бедности в России увеличилась с 10,8% в 2013 году до 13,5% в 2016 году. Доля бедных во всех трех регионах существенно превышает среднероссийский показатель. Так, в Забайкальском крае в 2016 году более чем каждый пятый житель находился за чертой бедности (21,1%), это худшие показатели среди всех трех регионов. На «второй позиции» по доле бедных – Алтайский край (17,9% имеющих доходы ниже прожиточного минимума, то есть около 430 тысяч человек в регионе являются бедными). Доля бедных в общей структуре населения Кемеровской области составила 16,4%, что на 2,9% выше среднероссийского показателя.

Мы рассматривали занятость населения регионов Сибири, находящегося в экономически активном возрасте. Вместе с тем, в экономике региона заняты не только граждане трудоспособного возраста, зарегистрированные и постоянно проживающие на территории субъектов, но и частично занятая молодежь, сохраняющие занятость пенсионеры. В некоторых регионах значительный потенциал рынка труда составляют иностранные и внутренние трудовые мигранты. Наполненность рынка труда в полной мере отражает такой показатель, как численность занятых лиц всех возрастов, учитываемый государственной статистикой. В качестве основы для расчетов выступают лица в возрасте моложе трудоспособного, трудоспособного, старше трудоспособного возраста. В состав занятых включаются: граждане России, проживающие и работающие в данном субъекте Российской Федерации; граждане России, приезжающие на работу в данный субъект Российской Федерации из другого субъекта Российской Федерации; иностранные трудовые мигранты. В численность занятых не включаются лица, проживающие в данном субъекте Российской Федерации, но выезжающие на работу в другой субъект Российской Федерации.

Занятость в экономике России, судя по общероссийским данным, довольно высока – рынок насыщен на 86,1%, однако этот показатель существенно ниже в субъектах Сибирского

федерального округа – 80,0%. По Кемеровской области значение показателя составило в 2016 году – 80,6%. По Алтайскому краю – 78,2%, а в Забайкальском крае – 76,2%. Данные значения прежде всего характеризуют спрос на рынке труда регионов: чем выше спрос, тем выше показатель занятости в экономике. В идеале, каждая экономика стремится к полной занятости населения, движение к высокому спросу на рынке труда можно ответить во всех трех регионах Сибири. При этом спрос на рынке труда Кемеровской области устойчиво высок на протяжении периода 2012 – 2016 годов, тогда как в Забайкальском крае – стабильно, незначительно увеличивается, а в Алтайском крае спрос на рынке труда сократился в 2016 году до 78,2% с 80,2% в 2015 году, что является косвенной характеристики трудоизбыточности этого региона.

И, наконец, последним в ряду статистических показателей, характеризующих состояние экономики и качества жизни населения рассматриваемых регионов, выступает коэффициент напряженности на рынке труда, представляющий собой отношение среднегодовой численности безработных (по методологии МОТ) к среднегодовому числу вакансий, сообщенных работодателями в государственные учреждения службы занятости населения. Регионы СФО, охваченные исследованием по значению данного коэффициента показывают более неблагоприятную картину, чем по Российской Федерации в целом. На протяжении периода 2013 – 2016 годов в каждом году напряженность на рынке труда этих регионов была выше среднероссийской, при этом регионы существенно отличаются друг от друга.

Так, в 2016 году в среднем по России число незанятых на одну трудовую вакансию, то есть своеобразный «конкурс» на одно вакантное место, составил 3,3 человека, в регионах СФО – 3,7 человек. Самыми трудоизбыточными в 2016 году в равной мере выступили как Алтайский край с показателем 5,5 незанятых на одну вакансию и Кемеровская область со значением коэффициента 5,3. В Забайкальском крае в 2016 году на одну вакансию приходилось 4,2 незанятых. При этом, если в первых двух регионах напряженность на рынке труда не имела скачкообразных изменений, то в Забайкальском крае еще в 2014 году это значение составляло 9,1 человека на одну вакансию. Однако делать выводы об эффективности принимаемых по улучшению положения на рынке труда или создаваемых вакансия без дополнительного изучения вопроса нет оснований. В частности, снижение напряженности на региональном рынке труда могло произойти не за счет развития региональной инфраструктуры или реализации инвестиционных проектов, а, например, вследствие существенного миграционного оттока, в том числе усиления внешней для региона трудовой миграции.

Таким образом, из представленного краткого обзора некоторых показателей качества и уровня жизни в трех регионах Сибирского федерального округа, можно сделать вывод о наличии объективных условий для формирования социальной эксклюзии населения не только и даже не столько пожилой части населения регионов Сибири, но ее трудоспособной части. Во всех рассматриваемых регионах высоки риски материальной депривации населения всех возрастных групп, что существенно ограничивает возможности удовлетворения потребностей и интересов проживающего в Сибири населения. Как Алтайский и Забайкальский края, так и Кемеровская область не относятся к числу регионов лидеров, доноров как окружающей, так и Российской экономики, показатели, связанные с качеством жизни, имеют тенденцию в большинстве случаев к ухудшению. Вместе с тем такая ситуация не является уникальной, а отражает кризисные явления, свойственные экономике всей страны в целом.

Библиографический список

1. Дубынина Т.Г. Анализ дифференциации регионов России по уровню социально-экономического развития. // Вопросы статистики. – 2014. – № 5. – С. 59 – 62.
2. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Модель социальной эксклюзии лиц старших возрастных групп регионов Сибири. // Успехи геронтологии. – 2017. – Т.30, №4. – С. 579–586.

3. Мхитарян В.С., Бакуменко Л.И. Интегральная оценка качества жизни населения Республики Марий Эл // Вопросы статистики. – 2011. – С. 60 – 67.
4. Обеспеченностью жильём в разных странах. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politforums.net/other/1460054970.html>
5. Плато К. Совершенствование измерения благосостояния и прогресса // Вопросы статистики. – 2011. – № 11. – С. 3 – 8.
6. Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. – М., 2014.
7. Adato M., Carter, M. R., & May J. Exploring Poverty Traps and Social Exclusion Using Qualitative and Quantitative Data. // Journal of Development Studies. – 2006. – 42(2). – 226-247. [Электронный ресурс]. URL: <http://doi.org/10.1080/00220380500405345>.
8. Burchardt T., Le Grand J. & Piachaud, D.. Degrees of Exclusion: Developing a Dynamic, Multi-dimensional Measure / In Hills, J. Le Grand, J. and Piachaud, D. Understanding Social Exclusion. – Oxford University Press, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.co.uk/books?isbn=0199251940>.
9. Gacitua-Mario E., & Woden Q. Measurement and Meaning: Combining Quantitative and Qualitative Methods for the Analysis of Poverty and Social Exclusion in Latin America (Technical Paper No. 518). – Washington, DC: World Bank, 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://www-wds.worldbank.org/servlet/WDSContentServer/WDSP/IB/2002/01/18/000094946_0201040949175/Rendered/PDF/multi0page.pdf.
10. Hills J. Le Grand J. and Piachaud D. Understanding Social Exclusion. – Oxford University Press, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://books.google.co.uk/books?isbn=0199251940>.
11. Hirsch D. Where Poverty Intersects with Social Exclusion: Evidence and Features of Solutions. – New York: Joseph Rowntree Foundation, 2006.
12. Radaev V. Does Competition Eliminate Social Ties?: The Case of the Russian Retail Market // Polish Sociological Review. – 2013. – Vol.13, №1. – P. 63 – 86.
13. Stewart F., Brown G., & Mancini L. Why Horizontal Inequalities Matter: Some Implications for Measurement (Working Paper No. 19). – Oxford: Centre of Research on Inequality, Human Security, and Ethnicity, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www3.qeh.ox.ac.uk/pdf/crisewps/workingpaper19.pdf>.
14. The National Institute of Statistics and Economic Studies: definitions, methods and quality. [Электронный ресурс]. URL: <https://insee.fr/en/metadonnees/definitions>.
15. Townsend P. Poverty in the United Kingdom. – Harmondsworth: Penguin, 1979.